

УДК 81'373

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Д.К. Вахитова, кандидат филологических наук

В настоящее время проблема инвективной лексики является объектом научного интереса как отечественных, так и зарубежных исследователей. Направленность к свободному инвективному словоупотреблению становится все более ощутимой, т.к. инвектива находит широкое применение не только в бытовом дискурсе, но и в художественной литературе, публицистике, в целом усиливая тенденцию к общему снижению и смешению стилей. Поэтому научный интерес, проявившийся в последнее десятилетие к данному пласту языка, вполне оправдан.

Справедливо высказывание ученого Ф.Н. Ильясова о том, что бранный язык является частью словарного состава языка, «и в языке ничего нельзя разрешать или запрещать, он живет и развивается по своим законам. Безусловно, употребление данной лексики речь не украшает, однако урезывать, умалчивать отдельные факты живого языка филолог не имеет права»¹.

На современном этапе инвективная лексика одновременно является объектом изучения для многих дисциплин, что обусловлено объективными причинами, так как в современном обществе вербальная агрессия рассматривается с различных позиций. Инвективная лексика является объектом исследования таких областей лингвистики, как юрислингвистика, психолингвистика, социолингвистика,

гендерная лингвистика, лингвокультурология.

В лексикографических источниках, в частности в Толковом словаре русского языка Д.Н.Ушакова, инвектива рассматривается как гневное выступление против кого-нибудь, оскорбительное выражение, брань, выпад².

Согласно английским лексикографическим источникам, центральное место в понятии «инвектива» занимает обвинение или оскорбление кого-либо (blaming or insulting). К примеру, в словаре современного английского языка издательства Macmillan под инвективой понимается «insulting language or swearing» (оскорбительная речь или ругательство)³.

В толковом словаре татарского языка не зафиксировано термина «инвектива», понятию же *тиргәү* 'брань' даётся следующее определение: «кемгә дә булса ачуланып һәм аның намусына тиярлек итеп төрле сүзләр әйтү, хурлау, эрләү» (разозлившись на кого-либо, говорить различные слова, оскорблять, ругать так, чтобы задеть его честь)⁴.

Юрислингвистика рассматривает словесное оскорбление как посягательство на честь и достоинство человека. Перед юридической лингвистикой остро стоит вопрос о выявлении критериев оскорбительного намерения и оскорбительности ненормативных средств. Судебной лингвистической экспертизе текста посвящены многочисленные работы М.В. Горба-

невского, в которых автор затрагивает вопросы, связанные с обвинением человека в оскорблении, а следовательно, и в употреблении инвективной лексики⁵.

Таким образом, в юрислингвистике до сих пор отсутствует конкретное определение оскорбления как противоправного деяния. Разработка единого подхода к определению степени оскорбительности инвективного словоупотребления представляется довольно проблематичной, так как это зависит, прежде всего, от личностного восприятия инвективы объектом оскорбления, а также от самой личности инвектанта.

Инвектива вызывает бесспорный научный интерес со стороны психолингвистов. Так, Райнхольд Аман понимает ругательство как вербально-агрессивное действие, которое случается в состоянии возбуждения и вызвано чаще всего какой-либо озлобленностью⁶.

Социолингвистика рассматривает инвективную лексику как определенные социальные знаки, характерные для речи той или иной социальной группы. В целом социальное положение говорящего тесно связано с желательностью обращения к инвективе.

Проблемой изучения инвективной лексики с позиции гендерной лингвистики занималась Фатима Зохра Нэджай, согласно которой «язык отражает социальные ценности и категоризирует мир маскулинный и фемининный»⁷.

С точки зрения лингвокультурологии, под инвективой понимаются носители национальной специфики и знаки культуры – вербальные табу или своеобразные явления антикультуры, которые находят свое выражение в фольклоре и в быту⁸.

С точки зрения своего объекта оскорбления (инвектума), инвективы дифференцируются на три категории:

1) инвектива, направленная непосредственно на объект, т.е. моделирующая в качестве девиантного именно его поведение;

2) инвективные формулы, ориентированные не на самого адресата, а на тех его родственников, чей статус мыслится в соответствующей культуре как приоритетный: к примеру, при доминировании статуса отца оскорбления направляются именно на него; в культурах, где доминирует почитание матери, – на нее; если же инвектива направлена на жену оскорбляемого, то это расценивается как неспособность защитить женщину и т.д.;

3) инвектива, адресованная максимально сакрализованному в той или иной традиции мифологическому субъекту⁹.

На наш взгляд, вышеуказанные группы не имеют достаточно четких границ, так как та или иная инвективная лексическая единица может относиться одновременно к нескольким группам в зависимости от ситуации речевой коммуникации. Следовательно, данное подразделение на группы представляется нам условным. Соотнесение инвектив с какой-либо из вышеперечисленных групп обусловлено параметрами коммуникации и особенностями выбора тех или иных лексических единиц инвектором и их влиянием на инвектума.

В обществе ругательства рассматриваются в качестве табу, так как ругательство подразумевается как запрет, налагаемый культурой и обществом. Все словесные нарушения табу В.И.Жельвис подразделяет на три группы, которые, по данным нашего исследования, вполне приемлемы для татарского языка, так как подтверждаются фактическим материалом:

1. Нарушения слабых табу, которые в силу своей слабости редко могут стать резкой инвективой. Соответствующие нарушения могут осуществ-

вляться литературно разрешенными средствами. Разумеется, при всей их слабости, такие словоупотребления все же рассматриваются как нарушения приличий: *Өеңдә кем көтә соң сине, юләр баи...* 'Кто тебя ждет-то дома, дурная голова ...'¹⁰.

2. Ко второй группе относятся грубые инвективы, которые нарушают сильные табу. Человек прибегает к использованию инвективной лексики, когда у него появляется необходимость в «разрядке эмоционального напряжения». Именно эта группа наиболее велика по объему в большинстве национальных культур: *Шундый кабахәт кеше булып чыктың син, синең белән гомер буе аралашып синең шундый дуңгыз икәнәңне белмәгән мин юләр ... куып чыгар син бу этне урамга*. 'Ты оказался таким мерзким человеком, а я, глупец, с тобой всю жизнь общался и не знал, что ты такая свинья ... выгони эту собаку на улицу'¹¹.

3. К последней группе относятся немногочисленные по объему слова, «нарушающие настолько сильные запреты, что сам факт их нарушения – явление экстраординарное, почти недопустимое». Употребляя подобные слова, человек заслуживает презрения, и, произнося их, он в первую очередь унижает самого себя. Их использование осуждается даже завзятыми сквернословьями.

Ученый справедливо отмечает, что большинство вербальных запретов группируется вокруг идеи человеческого «верха», ассоциирующегося с духовностью, и человеческого «низа», т.е. материального, земного начала⁸.

Очевидна историчность некоторых ругательств, при помощи которых табу нарушается. В различные эпохи человеческой истории сила того или иного табу была неодинакова, следовательно, неодинаково было и возбуждение, т.е. выразительность соот-

ветствующего ругательства. В Европе в средние века больше всего осуждалось богохульство и считалось, что богохульнику грозит обречение на вечные адские муки. С уменьшением роли религиозности в обществе изменились и ругательства. Они стали более «светскими». Одно из ведущих мест стало занимать табу на вопросы интимной жизни и телесной нечистоты, которые раньше практически не табуировались. Историческая обусловленность ругательств подтверждается и на примере татарского языка. Так, в произведениях татарских писателей до начала XX века преобладает использование инвектив религиозного характера типа *шәригать таптаучы* 'попиратель шариата', *кяфер мөлгунь* 'проклятый безбожник', *динсез* 'неверующий'. Литература же последующих периодов характеризуется использованием более простой, тематически разноплановой, приближенной к разговорному языку инвективной лексики.

В зависимости от социальной группы одни и те же инвективные единицы могут рассматриваться как слабые, или, наоборот, как грубые, агрессивные и недопустимые, т.е. приемлемые или неприемлемые. Понятие «приемлемости» относительно по своей природе и зависит от многих факторов: социальных, статусных, возрастных, кроме того, немаловажную роль играет ситуация и контекст.

Так, еще И.А.Бодуэн де Куртэнэ отмечал, что понятие ненормативности и непристойности крайне относительно. «Слова, некогда «приличные», переходят мало-помалу в разряд «неприличных»; слова же, в былое время производившие впечатление «неприличных», становятся со временем вполне «приличными» членами языкового общества»¹². Мы разделяем эту точку зрения и его последователя Г.В.Дмитриенко, который

обосновал относительность данного понятия. Во-первых, оно постоянно меняется с течением времени, во-вторых, оно носит ярко выраженный национально-специфический характер⁹. То, что может противоречить нормам общественной морали в одной среде, может быть абсолютно приемлемым в другой. Таким образом, для определения непристойности и ненормативности, прежде всего, необходимо понять и проанализировать конкретную речевую ситуацию, в которой использованы выражения, рассматриваемые как непристойные.

А.Ю. Позолотин выделил ряд критериев, на основании которых можно отнести единицы с отрицательной эмоциональной оценкой в разряд ругательств:

1) парадигматические, т.е. наличие у слов стилистических маркеров «бренный», «грубый», «вульгарный», «презрительный». Определить их позволяют словари соответствующей лексики;

2) функциональные, согласно которым ругательства определяются как агрессивные, гневные восклицания и эмоциональные междометия;

3) семантические критерии, согласно которым слова, обозначающие в грубой форме сексуальные действия, половые органы и фекалии, могут быть названы ругательствами. «Очень трудно подобрать нейтральные обозначения для названных понятий – на ум приходят либо безобидные «детские» словечки, либо медицинские термины. Все остальные слова, так или иначе, относятся к табуированной лексике»;

4) культурологические признаки, согласно которым ругательствами называются слова-табу, обозначающие сакральные понятия. Как отмечает исследователь, в каждой культуре существуют темы, которые табуируются в официальном общении. Таковы-

ми считаются, например, сексуальные действия, соответствующие части тела, физиологические выделения и др. Слова, обозначающие данные понятия, как правило, считаются в языковой среде ругательствами в связи с табуированностью их формы или семантики¹³.

Мы разделяем точку зрения А.Ю.Позолотина относительно того, что вышеупомянутые критерии указывают принадлежность лексической единицы к ругательствам. Однако оскорбить инвектума могут не только некодифицированные, табуированные слова, но также слова и выражения, которые можно отнести к кодифицированному слою языка, имеющие отрицательную окраску в зависимости от контекста. «Любое слово в контексте может стать инвективой, т.е. восприниматься адресатом в качестве оскорбления»¹⁴. Возьмем, к примеру, отрывок из комедийного произведения К. Тинчурина «Жилкәнсезләр» (Без ветрил): *Без сәләмәлектән хурланмыйбыз, тәти егет, менә сезне сәләмәләндереп ташласак, ни эшләрсез икән, селәгәй авыз*. 'Мы не стыдимся истрепанности, красивый джигит, если мы вас истреплем, что бы вы сделали, слюняй (букв. слюнявый рот)'¹⁵. Под выражением *тәти егет* 'красивый джигит' подразумевается инвективное обращение к человеку. Таким образом, необходимо также учитывать лексические единицы, которые потенциально могут оскорбить инвектума.

По мнению А.А.Леонтьева, следует различать инвективную и неинвективную лексику, то есть такую, которая предполагает намерение оскорбить или унижить адресата, и такую, которая является экспрессивной (содержит в себе негативную оценку и / или эмоционально-экспрессивный компонент), но такого намерения не предполагает.

Особым случаем является инвективное употребление слов или словосочетаний, которые не содержат в своей семантике инвективного компонента и имеют экспрессивную окраску (*Электёме, малакаем!* 'Попался, сынок!'), а порой и ее не имеют. В устах определённой социальной группы людей даже слова «профессор», «академик» могут приобретать инвективный характер. Однако доказать такой инвективный характер почти невозможно, хотя интуитивно каждый из нас (в определенном контексте) его ощущает¹⁶.

Таким образом, инвективная лексика присуща эмоциональной, аффективной речи. Такого рода эмоциональность ориентирована, прежде всего, на конкретную речевую ситуацию, и анализ инвективных компонентов в высказывании возможен лишь в комплексе с речевой ситуацией и намерением говорящего. Намерения могут быть разнообразными: от фамильярных до откровенно оскорбительных: *Бу адәм актыгы белән коньяк әрәм*

итәсе түгел иде дә бит, нишлисең, әйдә китер, килен. 'Не хотелось бы тратить свой коньяк на этого выродка, но куда деваться, давай неси, сноха'.

Значения инвективных единиц в контексте речевой ситуации субъективны. Это обусловлено тем, что с их помощью говорящий в конкретном речевом акте выражает свое эмоциональное состояние или отношение к объекту оскорбления, что в свою очередь также является субъективным.

Как видим, на современном этапе инвективная лексика подвергается детальному и глубокому анализу с позиции различных отраслей языкознания в самых разнообразных аспектах. Все вышеуказанные исследования вносят значительный вклад в изучение инвективного словоупотребления. Интерес такого рода, а также многочисленные исследования в этой области позволили выделиться инвектологии или маледиктологии (от лат. *maledicere* «браниться» или «проклинать» и греч. *λόγος* «учение») в новое направление в современной лингвистике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русский мат (Антология) / под ред. Ф.Н. Ильясова. – М.: «Издательский дом Лада М», 1994. – С.5.

² Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т.1. А-М / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – С.469.

³ Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/invective>

⁴ Татар теленең анлатмалы сүзлеге. Өч томда. Т.3. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1981. – 832 б.

⁵ Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юридический мир, 2006. [Серия «Библиотечка юриста СМИ»]. – 112 с.

⁶ *Aman Reinhold.* Psychologisch sprachliche Einführung in das Schimpfen / Reinhold Aman / Bayerisch-österreichisches Schimpfwörterbuch. – München, 1982. – 208 s.

⁷ *Nedjai F.Z.* Etude sociolinguistique de la perception des insultes en Algérie [Электронный ресурс] / Nedjai F.Z. – Режим доступа: <http://www.annales.univ-mosta.dz/fr6/nedjai.pdf>

⁸ *Жельвис В.И.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В.И. Жельвис. – М.: Ладомир, 2001. – С.13, 21.

⁹ *Дмитриенко Г.В.* Вербальная инвектива в англоязычном лексическом субстандарте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дмитриенко Глеб Владимирович. – Пятигорск, 2007. – 17 с.

¹⁰ Мәһдиев М.С. Фронтвиклар: Роман. Икенче басма / М.С. Мәһдиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1988. – 340 б.

¹¹ Мәһдиев М.С. Ачы тәҗрибә: Истәлекләр / М.С. Мәһдиев. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1993. – 384 б.

¹² Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2. – 391 с.

¹³ Позолотин А.Ю. Инвективные обозначения человека как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Позолотин Андрей Юрьевич. – Волгоград, 2005. – 19 с.

¹⁴ Курьянович А.В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации / А.В. Курьянович // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. – Вып. 3 (47). – С. 106–111.

¹⁵ Тинчурин К. Драмалар, комедияләр, хикәяләр / К. Тинчурин. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2007. – 351 б.

¹⁶ Леонтьев А.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Сорокин Ю.А. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / А.А. Леонтьев и др. – М.: Фонд защиты гласности, 1997. – 128 с.

Аннотация

В статье рассматриваются основные подходы к изучению инвективной лексики. Инвективная лексика является объектом исследования многих областей лингвистики: юрислингвистика, психоллингвистика, социоллингвистика, гендерная лингвистика, лингвокультурология. Делается вывод, что детальный и глубокий анализ с позиции различных отраслей языкознания вносит значительный вклад в изучение инвективного словоупотребления.

Ключевые слова: инвективная лексика, лингвистика, подходы, инвектология.

Summary

The article deals with the main approaches to studying invective vocabulary. Invective lexicon is the object of studying for many branches of linguistics: legal linguistics, psycholinguistics, sociolinguistics, gender linguistics, cultural linguistics. It is concluded that a detailed and in-depth analysis from the perspective of various branches of linguistics makes a significant contribution to the study of invective usage.

Keywords: invective lexicon, linguistics, approaches, invectology.